

ДМИТРИЙ
ШЕРИХ

*Улица Нарата
& Парата
и окрестности*

Всё о Санкт-Петербурге

Дмитрий Шерих

Улица Марата и окрестности

«Центрполиграф»

2012

Шерих Д. Ю.

Улица Марата и окрестности / Д. Ю. Шерих —
«Центрполиграф», 2012 — (Всё о Санкт-Петербурге)

Предлагаемое издание является новым доработанным вариантом вышедшей ранее книги Дмитрия Шериха «По улице Марата». Автор проштудировал сотни источников, десятки мемуарных сочинений, бесчисленные статьи в журналах и газетах и по крупицам собрал ценную информацию об улице. В книге занимательно рассказано о богатом и интересном прошлом улицы. Вы пройдёте по улице Марата из начала в конец и узнаете обо всех стоящих на ней домах и их известных жителях. Несмотря на колоссальный исследовательский труд, автор писал книгу для самого широкого круга читателей и не стал перегружать ее разного рода уточнениями, пояснениями и ссылками на источники, и именно поэтому читается она удивительно легко.

Содержание

ОТ АВТОРА	7
ПРИ ЧЕМ ТУТ МАРАТ?	8
Часть первая	12
Нечетная сторона	13
ДОМ № 1	13
МИРОВИЧ, ИОНЫЧ, ИВАНЫЧ	13
«СПИЧКИ БЫЛИ ЛАПШИНА»	16
СТАНЦИЯ МЕТРО «НИКОЛАЕВСКАЯ УЛИЦА»	17
ДОМ № 3	18
ЦЕНА УДАРА – ШЕСТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ	18
УПРАВДОМ БЫЛ ХУДОЖЕСТВЕННЫМ	20
КРИТИКОМ	
ДОМ № 5-7	21
ХРАМ НА ЗЛАЧНОЙ СТРЕМЯННОЙ	21
ДОМ, КОТОРОГО НЕТ	26
ОБМАНУТЫЕ ГОСТИ	27
ДОМ № 9	28
«СРЕДЫ» КНЯЗЯ МЕЩЕРСКОГО	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Дмитрий Шерих

Улица Марата и окрестности

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Серия «Все о Санкт-Петербурге» выпускается с 2003 года

Автор идеи Дмитрий Шипетин Руководитель проекта Эдуард Сироткин

ОТ АВТОРА

Улица Марата никогда не была украшением нашего города. Она и звалась-то долгое время Грязной – словно в противовес какой-нибудь Миллионной. Сразу понятно, что на улице с таким именем царских дворцов не сыщешь!

В пушкинское время здесь была настоящая окраина Петербурга. Только когда город расширился, улица получила более солидный вид, хотя и тогда особой красоты не приобрела. В отделке фасадов донныне преобладает эклектика, коммерческий стиль для массовой застройки: пышная лепнина подчеркивает богатство, пространство использовано с максимальной пользой – для вящего дохода. Эти дома и зовутся «доходными».

На этой улице не селилась высшая аристократия – все больше купцы, чиновники, адвокаты, врачи, творческая интеллигенция. Но именно они и сделали историю улицы Марата чрезвычайно интересной. Известно ведь, что жизнь бурлит не только во дворцах и престижных кварталах. Даже наоборот – за пределами дворцов она бывает ярче, насыщенней, разнообразнее.

Знает ли читатель, где отпечатал Радищев свое «Путешествие из Петербурга в Москву»?

Где музыканты собирались на «Беляевские пятницы», а писатели – на «литературные банкеты»?

Где Ленин спорил с Бухариным о грядущей революции?

Где размахивал игрушечной сабелькой маленький Лева Гумилев?

И заодно: где открылся первый в нашей стране медицинский вытрезвитель?

Все это было здесь, на улице Марата!

Список жильцов этой улицы огромен, и в нем присутствуют первейшие имена нашей культурной истории: Белинский и Даргомыжский, Горький и Розанов, Лозинский и Шостакович. А сколько здесь бывало именитых гостей! Пушкин, Достоевский, Тютчев, Чехов, Горький, Ленин, Сталин, Ахматова, Зощенко – это только начало длинного списка...

Мы пройдем улицу Марата из начала в конец и расскажем читателю обо всех стоящих на ней домах. Разумеется, не каждому будет уделена отдельная глава: автор меньше всего хотел превратить книгу в нудное перечисление краеведческих фактов. Все определяет история – и что ж поделаешь, если в одном доме жили сразу несколько знаменитостей, а в другом, соседнем, никто из именитых граждан даже не бывал. Понятно, что первому дому может быть посвящено несколько глав, а биография второго может уместиться в краткой справке.

И еще несколько пояснений.

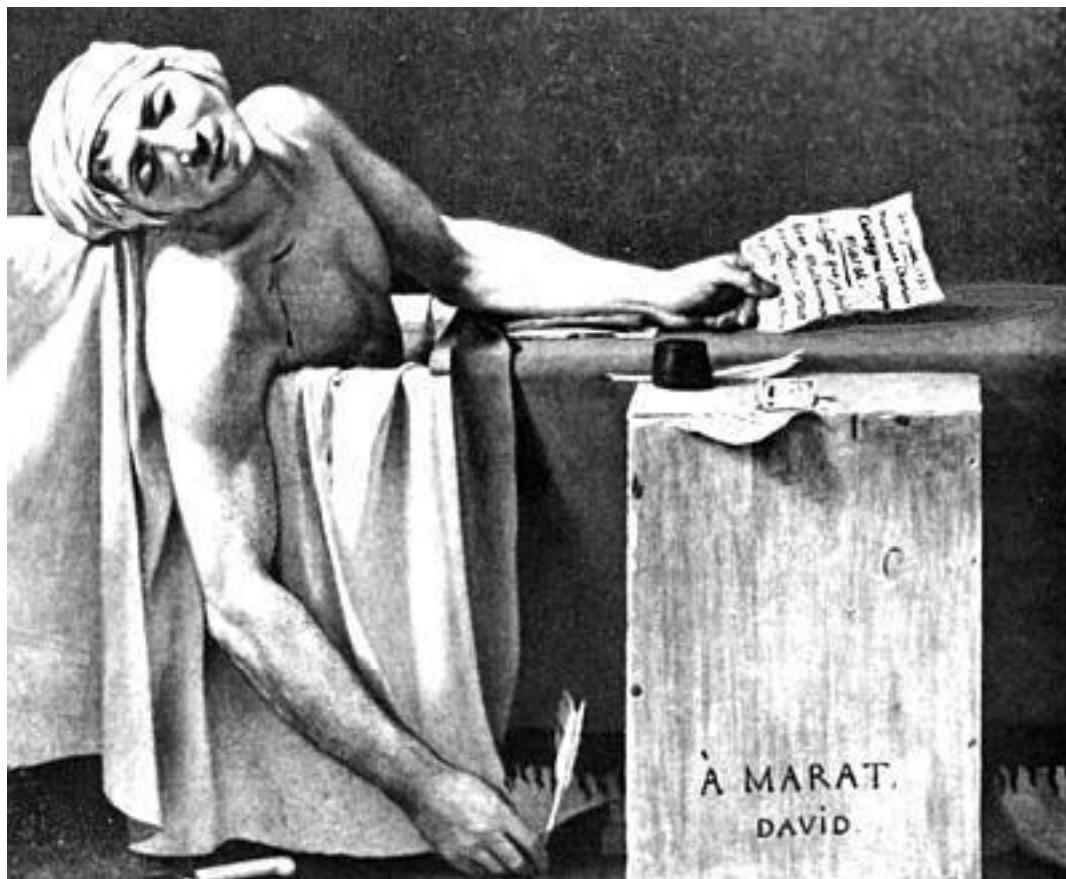
Во-первых, информация о создателях и датах постройки домов на улице Марата сведена автором в таблицу, которая помещена в конце книги. Это и в пользовании удобнее, да и рассказ освобождает от лишних деталей.

Второе. Читая книгу, непременно надо помнить, что дом – это не только лицевая его часть, выходящая на улицу. Это еще и дворовые постройки, подчас многочисленные. Если об этом забыть, то читатель не поймет, например, как в радищевском доме мог работать мыловаренный завод.

И последнее. Петербуржцы былых времен жили не так оседло, как нынешние. Пушкин или Достоевский, к примеру, обитали на некоторых своих квартирах лишь по полгода. Поэтому надо помнить: слова «здесь жил Стасов» вовсе не означают, что «здесь большую часть своей жизни прожил Стасов». И относится это не только к великим, но и к более скромным обитателям старого Петербурга...

ПРИ ЧЕМ ТУТ МАРАТ?

Первый вопрос, который возникает у всякого непредубежденного человека при знакомстве с улицей Марата: а при чем тут, собственно, Жан-Поль Марат? Биография знаменитого француза известна, наверное, всем. Родился... издавал газету «Друг народа»... готовил восстание якобинцев... был заколот Шарлоттой Корде... И никогда не бывал ни на этой улице, ни рядом с ней.

Жак Луи Давид. «Смерть Марата». 1793

Впрочем, есть одно обстоятельство, отдаленно роднящее Жан-Поля Марата и улицу его имени. Всего в паре кварталов от улицы, на Разъезжей, жил когда-то Давид Иванович де Будри. Лицейский профессор французской словесности, он учил Пушкина премудростям языка галлов.

Лицеисты хорошо знали, из какой семьи Будри родом. Пушкин записал позже: «Будри... был родной брат Марату. Екатерина II переменяла ему фамилию, по просьбе его, придав ему аристократическую частицу de, которую Будри тщательно сохранял».

Александр Сергеевич по обыкновению точен. Давид Иванович Марат приходился родным братом ниспровергателю тронов. Когда грянула Великая французская революция, он жил в России. И решил не рисковать репутацией: отмежевался от «французской заразы», испросив заодно разрешения на перемену фамилии – в честь родного городка Будри.

Пушкин записал о Давиде Ивановиче также другие подробности:

«Будри, не смотря на свое родство, демократические мысли, замасленный жилет и вообще наружность, напоминавшую якобинца, был на своих коротеньких ножках очень ловкий придворный.

Будри сказывал, что брат его был необыкновенно силен, несмотря на свою худощавость и малый рост. Он рассказывал также многое о его добродушии, любви к родственникам etc. etc. В молодости его, чтоб отвратить брата от развратных женщин, Марат повел его в гошпиталь, где показал ему ужасы венерической болезни».

Но, конечно, не в память де Будри улица Марата получила свое имя. В октябре 1918 года, когда власти обновляли городскую топонимику, о почтенном профессоре не вспоминали. Думали о другом: увековечить имена революционных героев. Карлу Либкнехту «подарили» Большой проспект Петроградской стороны, в честь Жана Жореса наименовали нынешнюю набережную Кутузова. Вот и Марату досталась своя улица – хотя, например, его соратнику Максимилиану Робеспьеру пришлось ждать очереди еще пять лет (набережная Робеспьера получит свое имя в 1923-м).

А как звалась улица до 1918 года? Одно имя мы уже упомянули в самом начале, но до него было еще одно. В 1739 году улицу называли Преображенской Полковой. Вот тоже казус! Дело в том, что власти собирались тогда проложить магистраль от нынешней Кировной до Разъезжей. Поскольку близ Кировной квартировал Преображенский полк, имя казалось вполне логичным.

Только вот в реальности магистраль распалась на две – нынешние улицы Маяковского и Марата. И Преображенской стала именно вторая, хотя преображенцы на ней не стояли никогда. А ведь куда логичнее было бы наименовать магистраль, скажем, Егерской улицей – в честь Егерского двора, лесистого места для охоты, находившегося тогда между нашей улицей и Лиговкой, близ Невской перспективы.

Преображенская улица жила на карте города до конца XVIII века. Но уже в эти годы стало употребляться и новое имя, которое в итоге вытеснило воспоминание о преображенцах и одержало верх – Грязная улица. Отчего именно Грязная, можно только догадываться – вряд ли эта улица была намного грязнее окружающих.

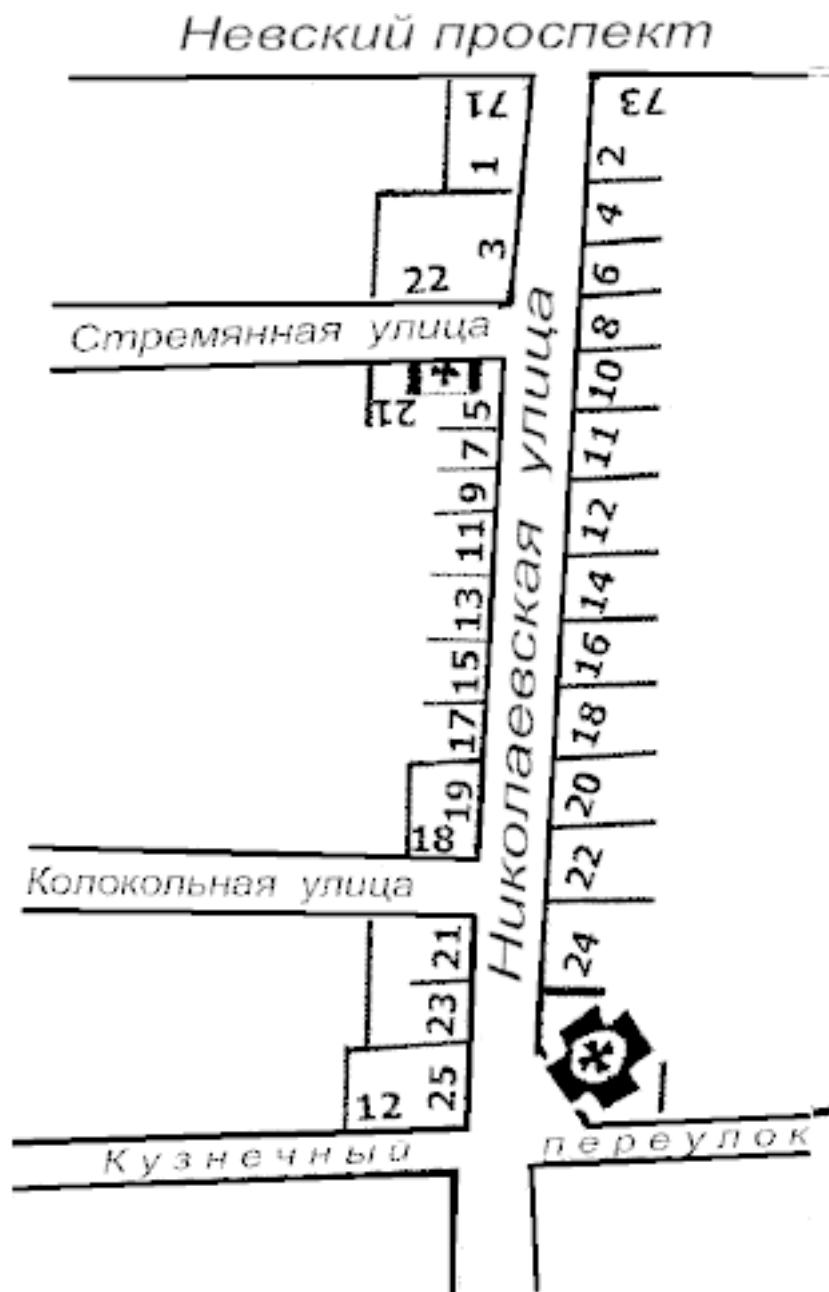
Николай I. Портрет работы К.П. Брюллова

Второе имя улицы продержалось столько же, сколько и первое – примерно шесть десятилетий. Однако какие это были десятилетия: пушкинские, гоголевские! Именно на Грязной бывал Александр Сергеевич у своей сестры Ольги...

А потом новая перемена: уходит из жизни Николай I и в честь его улица получает новое имя – Николаевская. Решение об этом было принято в октябре 1856 года. Странное, надо сказать, решение: переименовать в память монарха именно улицу с названием Грязная! Непочтительно как-то... Но может, тогда более очевидной казалась иная логика: при Николае открылись железные дороги из столицы в Царское Село и в Москву, причем обе приняли начало неподалеку от Грязной. Из грязи – в центр мироздания!

Вот, пожалуй, и все, что можно сказать об именах этой улицы. Впрочем, есть еще одно дополнение. В 1917 году особая комиссия Временного правительства решила убрать с карты города имя опостылевшего царя – и назвать Николаевскую проспектом Двадцать Седьмого Февраля, в честь победившей революции. Но потом события понеслись вскачь, про новое имя все забыли. А там уж и Жан-Поль Марат был на подходе...

Часть первая ОТ НЕВСКОГО ПРОСПЕКТА ДО КУЗНЕЧНОГО ПЕРЕУЛКА

План Николаевской улицы (улицы Марата) от Невского проспекта до Кузнечного переуллка по справочнику «Весь Петербург» за 1905 год

Нечетная сторона

ДОМ № 1

МИРОВИЧ, ИОНЫЧ, ИВАНЫЧ

Век исторического беллетриста недолог! В то время как его собратья по перу с легкостью преодолевают время – их читают и сто, и двести лет спустя – исторические беллетристы навсегда остаются в своем времени. Были когда-то знамениты на этом поприще Михаил Загоскин, Фаддей Булгарин – и многим ли теперь знакомы их романы? Гремел исторический беллетрист граф Салиас де Турнемир – и где он теперь?

Вот и Григорий Петрович Данилевский разделил судьбу своих собратьев по жанру. Еще лет пятьдесят назад его книги переиздавались, а теперь назови молодому читателю его имя – и реакции не будет никакой. Похоже, исторические романы устаревают быстрее романов обычных!

Сегодня о Данилевском напоминает немного – и в том числе мемориальная доска на доме № 1 по улице Марата (он же дом № 71 по Невскому проспекту). Здесь Данилевский прожил двадцать шесть лет, здесь умер и отсюда отправился в последний путь. Здесь написал свои самые известные книги – «Княжна Тараканова», «Мирович», «Сожженная Москва»...

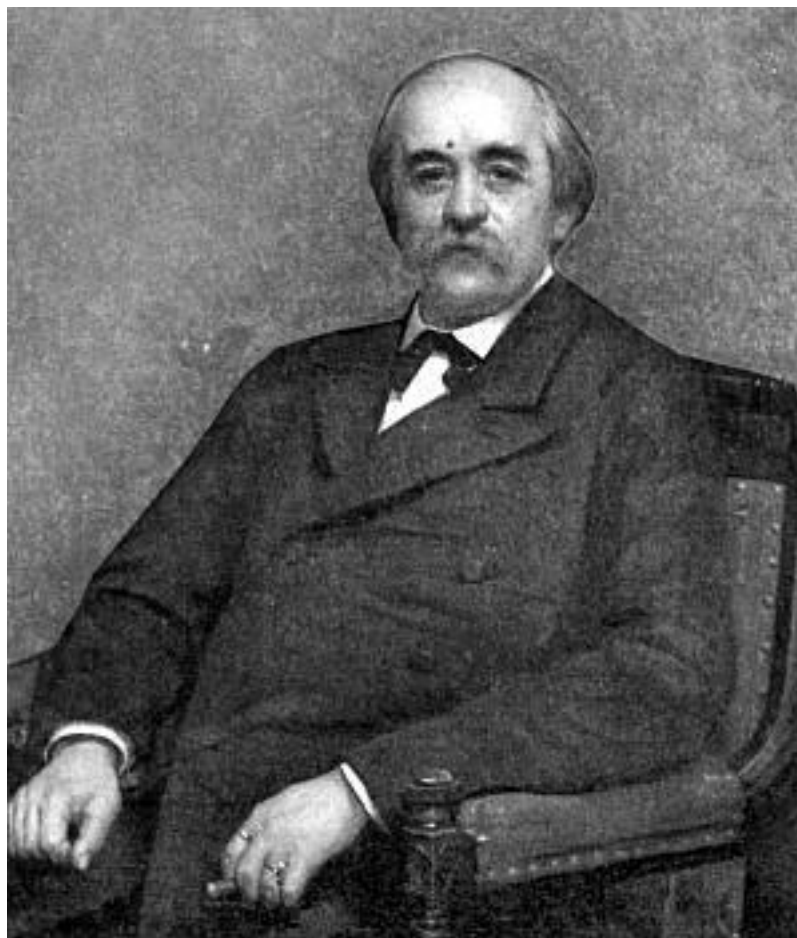
Современникам Григорий Петрович запомнился не только как писатель, но и как человек чрезвычайно общительный – особенно со своими собратьями по перу. Он любил поразить собеседника какой-нибудь свежайшей литературной новостью, а когда новостей не случалось, мог без труда приврать. Не случайно Некрасов писал:

*Я не охотник до Невского,
Бродит там всякий народ,
Встретишь как раз Данилевского,
Что-нибудь тотчас соврет;
После расскажешь за верное —
Скажут: и сам ты такой!
Дело такое прескверное
Было однажды со мной!..*

Дом № 1

За те 26 лет, что Данилевский прожил в этом доме, здесь случилось много всего любопытного. Работали тут курсы женских рукоделий, типография, меблированные комнаты. А в 1864 году – практически одновременно с Данилевским – в доме появилась фруктовая лавка 24-летнего купца Василия Ионовича Соловьева. Торговали в его заведении не только фруктами: здесь имелся свой винный погреб, своя «распивочная продажа крепких напитков», а также особые комнаты «для закусок».

Г.П. Данилевский. Портрет работы И.Н. Крамского

Соловьев был молод и энергичен; дела у него спорились. Со временем в руки Василия Ионовича перешли рестораны Палкина и Лейнера, две гостиницы (одна из которых Северная, ныне «Октябрьская»). Но лавка на углу Николаевской оставалась купцу по-прежнему дорога. Он ведь и жил рядом, в соседнем доме по Невскому проспекту – Невский, 69.

А на исходе XIX столетия соловьевское заведение на Николаевской сменило профиль. Теперь здесь открылся ресторан В.И. Соловьева – и хотя кругом хватало конкурентов (в том же доме работал ресторан «Кавказский» некоего грузина Дгебуадзе с чисто русскими именем и отчеством Лука Иванович) – популярность ресторана была велика.

Да и жильцы в доме № 1 здесь всегда обитали нерядовые. Скажем, в 1870-е жил здесь судебный следователь Николай Федорович Русинов, вошедший в историю благодаря делу игуменьи Митрофании. Дело это нашумело в те годы на всю Россию. Фрейлина высочайшего двора баронесса Прасковья Розен, в монашестве Митрофания, была уличена в изготовлении подложных векселей. Процесс длился долго, а в конце концов суд признал Митрофанию виновной. Начало же всему этому положил следователь Русинов: именно он «постановил привлечь игуменью Митрофанию в качестве обвиняемой и выписать ее для допросов в Петербург» (свидетельство Анатолия Федоровича Кони).

Был в доме № 1 и еще один примечательный жилец, рассказ о котором вполне можно вынести в отдельную главу. Тем более, что он не просто жил в этом здании, но и долго был его полновластным владельцем.

«СПИЧКИ БЫЛИ ЛАПШИНА»

Когда-то всем школьникам было известно стихотворение Самуила Маршака «Быль-небылица» с такими вот строчками:

*Конфеты были Ландрина,
А спички были Лапшина,
А банею торговой
Владели Сандуновы.*

Это рассказывает пионером лирический герой стихотворения, старый дед с хорошей памятью: были-де такие времена, когда все принадлежало не народу, а хозяйчикам.

Две фамилии на слуху и сегодня – Ландрин и Сандуновы. А вот кто такой Лапшин скажут немногие. Между тем этот простой крестьянин-кустарь из Новгородской губернии был когда-то знаменит похлеще Сандуновых. Именно он стал первым в России делать безопасные спички.

Если кто не знает, в первой половине XIX столетия спички были опасные. В них использовался белый фосфор, который был очень горюч. К тому же наносили фосфор и на спичечную коробку и на головки спичек. Двойная опасность!

Да и даже не двойная – тройная, ведь белый фосфор был еще и ядовит. Спичками, бывало, травились, как это пытался сделать герой «Детства Темы» известного писателя Гарина-Михайловского:

«Он злорадно остановил глаза на коробке спичек и подумал, что такая смерть была бы очень хороша, потому что будет не сразу и он успеет еще насладиться чувством удовлетворенного торжества при виде горя отца и матери. Он занялся вопросом, сколько надо принять спичек, чтоб покончить с собой. Всю коробку? Это, пожалуй, будет слишком много, он быстро умрет, а ему хотелось бы подольше полюбоваться. Половину? Тоже, пожалуй, много. Тема остановился почему-то на двадцати головках... Он протянул руку к спичкам, отобрал горсть их и начал потихоньку, держа руки под столом, осторожно обламывать головки. Он делал это очень осторожно, зная, что спичка может вспыхнуть в руке...».

Тема остался жив: его необдуманый порыв заметили домашние. Но опасность осталась. Первым, кто справился с ней, был швед Лундстрем: в 1855 году он начал производство безопасных спичек. Там белый фосфор был заменен красным, не ядовитым, да и наносить его стали только на коробки. Такая спичка уже не могла отравить или зажечься случайно!

Долго, долго Россия ввозила безопасные «шведские» спички из-за границы. Но вот два десятилетия спустя в Скандинавию отправился предприимчивый торговец спичками Василий Андреевич Лапшин. Как и где он закидывал там удочки, но результат известен: из Швеции Лапшин вернулся с рецептом изготовления безопасных спичек. И открыл в своем родном селе Хотитово спичечную фабрику.

А дальше дело пошло семимильными шагами. Если вначале лапшинское производство выдавало на-гора 18 тысяч коробок в день, то в начале XX столетия эта цифра дошла уже до отметки в три миллиона коробок! Оно и неудивительно, ведь лапшинские безопасные спички были куда дешевле привозных. А за качеством Василий Андреевич следил не хуже шведов. Спички Лапшина поставлялись в Китай, были удостоены наград на выставках в Амстердаме, Антверпене, Чикаго, Париже, Стокгольме...

Росло производство, росли и доходы. Бывший крестьянин стал купцом 1-й гильдии, хозяином не только спичечного производства, но и многочисленных спичечных лавок в Петербурге и в провинции. И домовладельцем: как раз в пору своего успеха Лапшин приобрел дом на углу

Николаевской улицы и Невского проспекта. Здесь он и прожил свои последние годы – вместе с горячо любимой дочерью Ираидой. В ее честь он даже назвал свою фабрику: «Ираида».

...Не только для Маршака спички Лапшина был одним из символов дореволюционной России. Вспоминал о них и поэт Николай Агнiewicz – в 1920-е годы, находясь в эмиграции:

*Как вздрогнул мозг, как сердце сжалось.
Весь день без слов, вся ночь без сна!
Сегодня в руки мне попалась
Коробка спичек Лапшина...
Ах, сердце – раб былых привычек!
И перед ним виденьем, вдруг,
Из маленькой коробки спичек
Встал весь гигантский Петербург...*

СТАНЦИЯ МЕТРО «НИКОЛАЕВСКАЯ УЛИЦА»

И еще одна страница истории дома № 1.

В самом начале XX века в Петербурге обсуждались многочисленные проекты городского метро. В числе энтузиастов нового вида транспорта был инженер Генрих Гиршсон. Он подходил к делу весьма серьезно: изучал грунты, вычислял экономическую целесообразность проекта, тщательно обдумывал техническую сторону вопроса.

А осенью 1901 года Гиршсон предложил городским властям проложить подземную линию под Невским проспектом, от Адмиралтейства до Знаменской площади. Он был уверен, что «существующее по Невскому проспекту движение... медленно, неудобно и стесняет движение».

Какой виделась ему дорога? Конечные станции, несколько промежуточных – в том числе на углу Николаевской улицы. Над станциями – стеклянные павильоны с уходящими вниз винтовыми лестницами. Саму трассу Генрих Антонович собирался заключить в бетонную трубу квадратного сечения, а поезда предлагал сделать недлинными: «двигательный вагон» и два-три пассажирских...

Впрочем, метрополитен под Невским тогда не состоялся, как не состоялись и другие похожие проекты. Наверное, они были просто несвоевременны...

Станция метро здесь появилась только в 1960-е годы. Тогда всюду шло строительство новой линии ленинградского метро – Невско-Василеостровской. Наземный вестибюль одной из ключевых станций было решено разместить на углу Невского и улицы Марата. Интересно, знали ли строители о проекте Гиршсона?

В советское время работы велись на широкую ногу. Дом № 1 расселили, работавшую тут столовую 1-го разряда закрыли, наземный вестибюль встроили в первый этаж. Открытие новой линии состоялось в ноябре 1967 года, а станцию в доме № 1 назвали «Маяковской» – по близлежащей улице Маяковского. Можно лишь догадываться, почему не «Маратовской». Наверное, из патриотических соображений...

Ну а после того, как станция открылась, власти стали думать о судьбе расселенного здания. Благо никаких серьезных осадков и трещин оно не дало: строители поработали на славу. В итоге решили вернуть сюда общепит, да не просто вернуть – вывести его на новый уровень. В самом начале 1974 года в доме № 1 открылся ресторан «Невский» – огромный, на четырех этажах, по тому времени необычайно ярко оформленный.

Ресторан властвовал в здании до начала XXI века, когда пришла новая эпоха: после капитальной реконструкции здания холдингом «Адамант» здесь разместился торговый центр «Нев-

ский атриум». Открытие его состоялось в конце 2006 года; впрочем, и ресторану тоже нашлось место в новом ТЦ – на пятом его этаже.

ДОМ № 3

ЦЕНА УДАРА – ШЕСТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ

Это событие, случившееся в 1879 году, Анна Григорьевна Достоевская описывала так:

«Около двадцатых чисел марта с мужем произошел неприятный случай, который мог иметь печальные последствия. Когда Федор Михайлович, по обыкновению, совершал свою предобеденную прогулку, его на Николаевской улице нагнал какой-то пьяный человек, который ударил его по затылку с такою силой, что муж упал на мостовую и расшиб себе лицо в кровь. Мигом собралась толпа, явился городской, и пьяного повели в участок, а мужа пригласили пойти туда же. В участке Федор Михайлович просил полицейского офицера отпустить его обидчика, так как он его "прощает". Тот пообещал, но так как назавтра о "нападении" появилось в газетах, то, ввиду литературного имени потерпевшего, составленный полицией протокол был передан на рассмотрение мирового судьи 13-го участка, г-на Трофимова. Недели через три Федор Михайлович был вызван на суд».

Камера мирового судьи Трофимова находилась тогда на углу Николаевской и Стремянной улиц. Сегодня на этом участке (№ 3/22) стоят разные по облику здания; разумеется, во времена Достоевского они выглядели иначе. Хотя бы потому, что эффектная угловая часть дома была возведена в 1881 – 1882 годах, уже после кончины писателя...

Дом № 3

К известной персоне был тогда вызван Федор Михайлович Достоевский! «Крупный старик воинственного вида, с седой курчавой головой и большими усами» – таким запечатлел мирового судью Трофимова другой известный юрист Анатолий Федорович Кони.

В столичном обществе об Александре Ивановиче Трофимове судачили немало. Как уверяет один мемуарист, говорили так: «он добрый старик, был всегда консерватор, а когда его избрали в мировые судьи, он вдруг помешался на том, что надо быть дерзким и грубым относительно всякого, похожего с виду на барина». О подобных толках вспоминает и Кони: «ходили слухи, что он держит себя чрезвычайно развязно в судебном заседании, шутит над свидетелями и подсудимыми, дает им наставления из области житейской философии и читает нотации и этим очень увеселяет собирающуюся в большом количестве в его камеру публику. Слухи эти проникали нередко и в печать, причем мелкая пресса, не стесняясь, называла разбирательство у Трофимова "балаганом"... За его камерой все более и более укреплялась репутация увеселительного места».

Ф.М. Достоевский

Однажды на петербургский мировой съезд поступила жалоба от некоего болгарина, в присутствии которого Трофимов прошелся насчет «братьев-славян». Сказал, что ради них не стоило вступать в войну с Турцией. После долгих споров съезд вынес Трофимову официальное

предостережение, причем одним из главных сторонников наказания был молодой тогда А.Ф. Кони.

А через год Кони осуществлял ревизию делопроизводства Трофимова. И для начала несколько раз посетил камеру мирового судьи как частное лицо. «И что же? Вместо прославленного балагана я увидел настоящее мировое, жизненное, чуждое бездушной формальности и равнодушной торопливости разбирательство. За судейским столом сидел умный и трогательно добрый человек, по-отечески журивший участвующих в деле и по-отечески входивший в их нужды и их понимавший... И отношение всех находившихся в камере к Трофимову было особенное: между ним и ими чувствовалась живая связь и взаимное понимание...».

Кони тогда пришел в кабинет к Трофимову с печальным признанием: «Мне больно и стыдно вспомнить, что я настоял на дисциплинарном суде над вами: я не знал вас и понимал вас слишком формально». Дело закончилось дружескими объятиями...

Но что же дело Достоевского? Понятно, что в камере мирового судьи собралось тогда немало публики: всем была охота увидеть знаменитого писателя в «балагане». Сидели в зале многочисленные представители либеральной прессы, а также лихой поэт Дмитрий Минаев, который уже обдумывал свой новый экспромт. Его он и зачитал Трофимову после заседания:

*О, из судей столицы Невской
Счастливей всех ты, без сомнения,
Коль от тебя сам Достоевский
Ждал справедливого решения!*

Явившись к мировому судье, Федор Михайлович снова заявил, что прощает обидчика и просил не назначать ему наказания. Было предоставлено слово и ответчику, крестьянину Федору Андрееву – и тот прямодушно сообщил, что был «зело выпимши и только слегка дотронулся до "барина", который от этого и с ног свалился».

Каким оказалось справедливое решение? А вот каким: мировой судья приговорил Андреева к штрафу в шестнадцать рублей – «за произведение шума» и беспорядка на улице.

Достоевскому вердикт показался строгим. Как вспоминает Анна Григорьевна, «муж мой подождал своего обидчика у подъезда и дал ему шестнадцать рублей для уплаты наложенного штрафа».

На что потратил крестьянин Андреев эти 16 рублей, история умалчивает...

УПРАВДОМ БЫЛ ХУДОЖЕСТВЕННЫМ КРИТИКОМ

Пятиэтажный дом № 3/22, выходящий на Николаевскую улицу – типичный доходный дом дореволюционного Петербурга. Эффектные фасады подчеркивают богатство, пространство использовано с максимальной пользой – для вящего дохода. Владельцы сдавали такие дома под квартиры, конторы и магазины. Иногда с делами справлялись сами, а иногда нанимали управляющего.

Дом № 3 был построен для генеральши Софьи Мор (см. ее монограмму на фасаде), а в начале XX века перешел в руки баронессы Варвары Корф. В то переходное время домом несколько лет управлял Федор Иванович Грус. Нидерландец по рождению, он был вообще энергичным предпринимателем и играл важную роль в питерской голландской общине: был старшиной совета столичной Голландской церкви (что на Невском пр., 20), управлял церковным домом.

Несмотря на то что Федор Иванович не совсем уверенно владел русским языком, это не помешало ему стать художественным критиком и переводчиком. Свои способности Грус, впрочем, оценивал реалистично; вот что пишет о нем известный писатель Василий Ян:

«В Петербурге мне довелось познакомиться с художественным критиком "Петербургской Немецкой Газеты" – Федором Ивановичем Грус. Он переводил какой-то обширный труд немецкого профессора по истории искусства и, плохо зная русский язык, пригласил меня редактировать его перевод.

Грус был женат на дочери известного музыкального издателя Юргенсона, и поэтому в его доме можно было встретить издателя "Могучей Кучки" Митрофана Беляева, критика Владимира Стасова, художников Бакста и Серова, многих других выдающихся деятелей мира искусства того времени».

Перечень знаменитостей, с которыми Грус был знаком, нетрудно расширить. Дело в том, что Митрофан Петрович Беляев (о котором речь еще пойдет впереди) поручил Грусу вести финансовые дела своего нотного издательства – и по этой причине Федор Иванович с композиторами общался регулярно. В том числе с Римским-Корсаковым, Глазуновым, Скрябиным.

А еще Федор Грус состоял в переписке со знаменитым немецким поэтом Райнером-Мария Рильке, а во время приезда Рильке в Россию являлся для него своеобразным гидом.

Можно ли представить себе в наше время, чтобы такой человек служил управдомом?

И еще одно примечательное имя в истории дома № 3. Писатель Михаил Слонимский, член содружества «Серапионовы братья», провел здесь несколько лет своей жизни – в большой комнате коммунальной квартиры. Это были уже советские годы, с 1927-го по 1934-й.

Здесь у Слонимских перебивали чуть ли не все известные литераторы тогдашнего Ленинграда. Нередко бывал на улице Марата друг Слонимского Евгений Шварц, приходил сюда Корней Чуковский. Частенько заходили к Слонимским Михаил Зощенко и Леонид Добычин, два талантливейших писателя с диаметрально противоположными взглядами на юмор и абсолютно несхожими судьбами. Оба они питали к хозяевам дома искреннюю симпатию.

Зощенко был тогда невероятно популярен, а талант Добычина получил не столь широкое признание. До поры до времени два писателя нигде не пересекались, но однажды встреча произошла – здесь, на улице Марата. Памятное randevу запечатлела жена Слонимского Ида Исааковна:

«У нас сидел Зощенко, и неожиданно явился Леонид Добычин, часто у нас бывавший... Мы обрадовались его приходу. Нам казалось, что встреча двух таких своеобразных и ярких людей, в чем-то даже близких в своей резко сатирической манере, должна вызвать обоюдный интерес и внимание. Оказалось совсем не так. То есть Зощенко... проявил было интерес, а Добычин весь взъерошился и совершенно неожиданно, ни с того ни с сего, глядя на Зощенко ненавидящими глазами, стал перечить, говорить резкости и вскоре ушел, оставив у всех нас очень неприятный осадок. Зощенко ничего не понял и недоумевал... Мы тоже ничего не поняли».

Что ж, Леонид Добычин отличался весьма независимым характером...

ДОМ № 5-7

ХРАМ НА ЗЛАЧНОЙ СТРЕМЯННОЙ

Стремянная улица – напоминание о Дворцовых слободах, находившихся некогда между нынешними улицей Марата и Владимирским проспектом. В слободах этих жили низшие придворные служители – конюхи, повара, портные, лакеи...

В районе Стремянной решено было поселить «конюшенных служителей», а какие же конюшни и лошади без стремян? Только вот почти сразу родилось и другое имя улицы – Ведерная, по местному кабаку, отпускавшему водку ведрами. И хотя второе название со временем было забыто, Стремянная улица и ее окрестности прочно приобрели репутацию злач-

ного места. Да что говорить: в конце XIX столетия здесь работали два питейных дома, четыре трактира, шесть портерных (пивных) лавок и три ренсковых (винных) погреба.

В таком вот месте и решило построить свой храм столичное Общество распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви. С этой целью оно приобрело участок на углу Николаевской и Стремянной: там в двухэтажном деревянном доме находились трактир и постоялый двор. Строительство шло быстро и уже через полгода здесь вырос деревянный храм, а потом на смену ему и храм каменный. На освящении присутствовал и произнес речь отец Иоанн Кронштадтский.

Церковь Пресвятой Троицы Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе православной церкви. Дом № 5

Троицкая церковь, возведенная епархиальным архитектором Николаем Никоновым, резко выделялась на фоне окружающих зданий. Фасады храма были облицованы красным и белым кирпичом, на них были многочисленные мозаичные иконы – словом, лепота! Мемуаристка Мария Блок так оценивала Троицкую церковь: «Красивый храм, праздничный, нарядный. Он был сложен из цветных кирпичиков, изразцов, чудесная мозаика радовала глаз». Но мнения бытовали и другие: знаток архитектуры В. Курбатов причислил когда-то (1913 г.) этот храм к «строительным ужасам современности».

Имелась у храма и еще одна особенность. Поскольку строился он обществом просветительским, к церкви примыкал обширный зал для духовных бесед. Кого только не видывал этот зал! Здесь, к примеру, многократно выступал будущий петроградский митрополит Вениамин. Постоянно бывали и два других знаменитых священника – настоятель Казанского собора отец Философ Орнатский и настоятель Петропавловского собора отец Александр Дернов. Первый долгие годы возглавлял Общество религиозно-нравственного просвещения, а второй был его казначеем...

Чем же занималось Общество? Организацией бесед с рабочими и воскресных чтений. Устройством богословских публичных чтений для интеллигенции. Немало сил уходило на противостояние тем течениям и взглядам, которые противоречили православным традициям. Характерный эпизод случился в революцию 1905 года, когда печать стала бесцензурной и в ней каждодневно мелькали выпады против власти и против деятелей церкви. Особенно невзлюбила либеральная печать отца Иоанна Кронштадтского. Взволнованные члены Общества собрались в здании на углу Николаевской и Стремянной: здесь были и Философ Орнатский, и Александр Дернов, и много еще кто. Вместе они решили создать Общество защиты о. Иоанна Кронштадтского. И хотя церковные власти идею не одобрили, Иоанн Кронштадтский был очень тронут поддержкой...

А весной 1917 года в зале Общества одно за другим проходили собрания, посвященные выборам главы столичной епархии и другим важным вопросам. Но еще более важные вопросы пришлось решать чуть позже. В январские дни следующего, 1918 года большевики потребовали передать им Александро-Невскую лавру. Собрание духовенства по этому поводу состоялось все в том же зале. «Громадный зал не мог вместить всех, желавших проникнуть в него, хотя и был переполнен до последней возможности... Протоиерей Философ Орнатский вносит предложение: в наступающее воскресенье устроить крестные ходы из всех храмов столицы к Александро-Невской Лавре. Собрание единогласно принимает это предложение».

Лавру тогда удалось отстоять, но испытаний на ее долю и потом выпадало много. (В 1919-м, к примеру, власти решили построить на территории Лавры заведение полезное и современное – крематорий. Чудом этот проект удалось похоронить.)

В эти нелегкие времена храм с залом на Стремянной находились в самой гуще событий. Летом 1918 года здесь прошла встреча новоизбранного патриарха Тихона с петроградским духовенством, причем отец Философ Орнатский высказался весьма откровенно: «Мы не скрываем своего отношения к социализму и с церковной кафедры открыто проповедуем, что это есть идейно обоснованный голый грабеж...». Стоит ли удивляться, что вскоре отец Философ был расстрелян?

А когда началась борьба между сторонниками Патриаршей церкви и обновленцами, выступавшими за дружбу с властью и модернизацию обрядов, одна из линий борьбы прошла через Троицкую церковь. Осенью 1923 года здесь отпевали умершего отца Александра Дернова – и в храме вместе с главой епархии епископом Мануилом присутствовали 144 священника и 47 дьяконов: все питерское духовенство, принадлежавшее тогда к Патриаршей церкви. Это была настоящая демонстрация силы, и она серьезно поддержала сторонников Патриарха. Правда, вот незадача: сама Троицкая церковь вскоре после этого перешла в обновленчество...

Случалось здесь и такое: «Настоящим заявляю, что я, нижеподписавшийся, протоиерей Троицкой церкви (на Стремянной ул., в Ленинграде) Николай Васильевич Заботкин, сознательно и добровольно снимаю с себя рясу, по мотивам социально-психологического характера, которые привожу ниже».

Из мотивов: «Оставаться в рядах "духовенства" я больше решительно не могу ни секунды... За сорок лет своей жизни я до сих пор еще нигде и никогда не встречал такой общественной организации, которая была бы настолько проникнута ложью...». Это лето 1924 года.

Что еще?

В 1930-м из Домика Петра I сюда перенесли чтимую икону Спаса Нерукотворного. В 1933-м Троицкая церковь лишилась колоколов: их передали в Петропавловскую крепость (для курантов) и в Госфонд. В 1934 году «Ленфильм» попросил было отдать храм с залом ему – для устройства мастерской кинорежиссера Сергея Юткевича – однако в прошении отказали. Троицкую церковь закрыли только в 1938-м (а Спаса Нерукотворного незадолго до того передали в Спасо-Преображенский собор).

Судя по архивным документам, власти не сразу решили, что делать с закрытым храмом. 4 марта 1938 года ключи от него были отданы директору базы райпищеторга – и церковь на Стремянной вполне могла бы стать складом картошки или другого продовольствия. Однако не прошло и двух месяцев, как помещение перешло к другому хозяину – районному совету физкультуры.

Физкультурники и спортсмены обосновались здесь надолго, хотя по большому счету здание мало им подходило. «Не очень удобный был спортзал»: это мнение спортивных журналистов, бывавших там не раз. Но еще в начале 1960-х в бывшей церкви была тренировочная база ленинградских волейбольных команд. Работали тут и спортивные секции для молодежи, в том числе боксерская, баскетбольная и волейбольная. В последней занимались, среди прочих, будущая олимпийская чемпионка Татьяна Гонобоблева и будущий историк Петербурга Анатолий Иванов.

Но не только спортсменам служили церковные стены. Как вспоминала уже знакомая нам Мария Блок, в бывшем храме все-таки нашлось место и для складов. А однажды случилось вот что:

«Открылось оконце, выходящее на улицу. Его обрамляла цветная надпись: "Прийдите ко мне, все труждающиеся и обремененные, и аз успокою вы". Окно открылось, чтобы торговать пивом, и многие подходили за утешением. Было грустно и смешно...»

Мария Блок видела все это из окна своей квартиры: она жила в доме № 8 по улице Марата. Запечатлела она и снос Троицкой церкви, случившийся глубокой осенью 1966 года: «Сначала пытались взорвать, на одну ночь мы переселились в гостиницу. Разрушилась квартира в первом этаже нашего дома, а церковь мало пострадала – на совесть построили. Стали бить "бабой". Долгое и унылое зрелище, неприятно было смотреть. Будущие дачевладельцы растаскивали беспрепятственно цветные изразцы, сказочная мозаика исчезла».

А на месте церкви в 1977-м возникло здание Невских бань. Где-нибудь в новостройках оно выглядело бы неплохо, но на улице Марата оно явно не прижилось. Слишком уж острым был контраст между рядовой архитектурой 1970-х и рядовой же архитектурой конца XIX века. Поэтому решение о сносе этой постройки было встречено городской общественностью (обычно весьма чувствительной к таким затеям) весьма спокойно. Летом 2007 года банное здание было разобрано до основания, после строители приступили к возведению нового торгово-развлекательного комплекса, получившего условное имя «Николаевский пассаж».

Впрочем, и здесь не обошлось без своих коллизий. Весной 2009 года автор этих строк обратил внимание: бетонные конструкции верхних этажей строящегося здания выступают за красную линию улицы Марата на три-четыре метра. Поручение написать об этом оперативно исполнил журналист «Санкт-Петербургских ведомостей» Дмитрий Ратников – и статья «Дом из ряда вон» вышла на первой странице газеты. После этого на стройку обратили внимание городские власти. Губернатор города Валентина Матвиенко заявила в интервью: «Меня беспокоят бывшие Невские бани на улице Марата – сейчас проектом занимается главный архитектор города. Нужно сделать другой фасад: там слишком много стекла».

Здание Невских бань

Новый торгово-развлекательный комплекс

Проект ТРК и вправду был изменен, осенью того же года выступающие консоли подверглись обрезке. А сегодня здание, получившее название «Олимпик Плаза», является одним из самых посещаемых на улице – благодаря тому, что здесь открылся визовый центр Финляндии. В открытии его принял участие министр иностранных дел этой страны Александер Стубб.

ДОМ, КОТОРОГО НЕТ

Новый торгово-развлекательный комплекс унаследует от бани № 5-7 по улице Марата, хотя церковные строения числились прежде под № 5. Это потому, что при строительстве помывочного объекта была снесена еще одна постройка – примыкавший к храму трехэтажный дом № 7 по улице Марата. И он тоже имел к истории храма непосредственное отношение. Владельцем и жильцом его в начале XX века был купец-мясоторговец Дмитрий Парфенов, в течение 23 лет бессменный церковный староста Троицкой церкви.

Парфенову непременно стоит уделить несколько абзацев. Это была нерядовая, яркая личность! Он поднялся из самых низов: прибыв в столицу из провинции, начал службу мальчиком в чайной лавке, а закончил хозяином собственного большого дела, владельцем многих мясных лавок и колбасного завода.

В его жизни хватало крутых поворотов. Скажем, переход от чайной торговли к мясной случился по настоятельной просьбе его бездетного дяди, замыслившего передать племяннику свою колбасную лавку. И хотя Парфенов служил в крупной чайной фирме с очень хорошим жалованьем, должен был вот-вот стать компаньоном в этой фирме – он не побоялся начать карьеру фактически заново.

Потом дядя умер, а Парфенов отправился набираться опыта в Европу. Привез оттуда специалистов и построил на Киевской улице колбасный завод с холодильниками и ледниками. Другие мясоторговцы продолжали терпеть убытки от жары, от порчи товара – а Парфенов круто пошел в гору!

А в 1912 году Дмитрий Лаврентьевич оставил все процветающее дело брату, а сам ушел в дела духовные. Он был человеком глубоко верующим, с глубоким почтением относился к священникам, и те платили ему тем же. В его квартире много раз гостил, служил всенощную и водосвятный молебен отец Иоанн Кронштадтский.

Когда Дмитрий Лаврентьевич умер, его отпевали в Троицкой церкви, а протоиерей о. Павел Лахостский сказал перед отпеванием такие слова: «Как староста он был таков, что если бы можно было высечь из мрамора или отлить из бронзы его фигуру, то под ней следовало бы сделать подпись: "Вот настоящий, идеальный церковный староста"».

А потом многочисленная процессия провожала гроб с телом Парфенова по Николаевской улице и Невскому проспекту – до Никольского кладбища Лавры...

Читатель, наверное, обратил внимание: мы только начали наш маршрут, а в рассказе уже прозвучали три крупных купеческих имени: Лапшин, Соловьев, Парфенов. А дальше будет больше! Преобладающее количество домов на Николаевской принадлежало купеческому сословию. Здесь жили и содержали лавки десятки, сотни купцов, от выдающихся до ничем не приметных. Оно и понятно, ведь еще Виссарион Белинский писал, что столичные купцы «выбрали особенные улицы своим исключительным местом жительства: это – Троицкий переулок, улицы сопредельные Пяти углам и около старообрядческой церкви».

Николаевскую улицу нельзя представить себе и без писателей: в этом читатель еще убедится многократно. И в истории дома № 7 литературная страница тоже присутствует: здесь жил крупный чиновник и не менее крупный поэт Константин Случевский. Впрочем, повод поговорить о Случевском у нас еще будет, а потому разговор о нем пока отложим. Нас ждут другие писатели: Стремянная улица заставляет вспомнить нас еще один эпизод литературной истории.

ОБМАНУТЫЕ ГОСТИ

Во многих краеведческих книгах можно встретить такой вот адрес Ивана Сергеевича Тургенева: Стремянная улица, дом Гусева. И пояснение: Тургенев жил там в 1840-е годы, дом не сохранился, а стоял он на месте нынешнего дома № 21 по Стремянной.

Авторы этих трудов могли бы убедиться по карте города или путем личного визита: дома № 21 на Стремянной как бы нет. За него можно принять только знакомую нам баню, ведь она идет как раз после дома № 19...

Значит, дом Гусева стоял на месте бани? Не надо спешить с выводами. Достаточно взять в руки знаменитый атлас Петербурга, изданный в 1849 году Николаем Цыловым, чтобы убедиться: на месте бани находился тогда двухэтажный дом с деревянным вторым этажом. А облик дома Гусева запечатлели вполне авторитетные мемуаристы. Вот из книги тургеневского знакомого Павла Анненкова: «Они поднялись в четвертый этаж громадного дома на Стремянной улице, где жил Тургенев...».

Громадный дом!

Загадка разъясняется с помощью того же Цылова. Четырехэтажный каменный дом купца Максима Петровича Гусева стоял тогда на участке нынешнего дома № 19 по Стремянной. Да что там «стоял»? Он стоит и сегодня, дом, в котором жил Тургенев. Конечно, какие-то перемены и перестройки пережить ему пришлось, но вряд ли это так уж важно...

И.С. Тургенев. 1843

Этот дом хорошо виден и с улицы Марата: к нам он обращен торцом. И раз уж зашла о нем речь, напомним тургеневскую страницу его истории.

Иван Сергеевич поселился тут в конце 1842 года вместе с братом. Прожил здесь три с половиной года, причем годы эти были насыщены самыми разными событиями. Выход его первой книги – поэмы «Параша», знакомство с Полиной Виардо, с Белинским и Некрасовым... Тургенев в ту пору – еще не тот знакомый всем классик, к словам которого прислушивались тысячи людей. Это был молодой человек со скудным достатком, большим честолюбием и богатой фантазией. Его тогдашнюю любовь к импровизации отмечали все мемуаристы. Иногда это приводило к неприятным историям. Одна из них связана как раз со Стремянной; о ней рассказывает уже упомянутый Павел Анненков: «Он часто ходил тогда на охоту, и раз, возвратившись с отъезжего поля, хвалился количеством побитой им птицы, а в подтверждение своих слов приглашал слушателей отобедать у него на другой день. Слушатели поверили и чудной охоте, и приглашению. На другой день они поднялись в четвертый этаж громадного дома на Стремянной улице, где жил Тургенев (между ними были и грудные больные, с трудом одолевшие его лестницу), и долго стояли перед запертой дверью его квартиры, – до тех пор, пока вышедший человек не известил их как об отсутствии хозяина, так и всяких приготовлений к приему гостей. Тургенев долго смеялся потом, когда ему рассказывали о недоумении и ропоте обманутых гостей, но извинений никому не приносил: все это казалось ему в порядке вещей, и он удерживал за собой право играть доверием людей, не чувствуя, по-видимому, никакой вины на своей совести за проделки подобного рода».

Из дома купца Гусева Иван Сергеевич съехал в 1846 году, накануне своего восхождения к вершинам славы: уже в январе следующего года публика зачитывалась его рассказом «Хорь и Калиныч». Успех побудил Тургенева приняться за другие очерки, объединенные затем в цикл «Записки охотника». Вот так быстро свершился этот переход – от легкомысленных охотничьих баек к серьезным запискам охотника, всколыхнувшим русских читателей...

ДОМ № 9

«СРЕДЫ» КНЯЗЯ МЕЩЕРСКОГО

О князе Владимире Петровиче Мещерском можно написать целый роман. И не один. Умный человек, убежденный монархист и консерватор, ближайший советчик Александра III и Николая II – это одна его ипостась. В этом качестве он написал множество статей и записок, по которым разбросаны очень любопытные мысли. Вот, например, из записей 1914 года:

«Если допущена будет у нас, в подражание Европе, полная безответственность за каждое слово с трибуны Думы, то 1905 год в этой мутной среде, с прибавкою сотен тысяч рабочих, повторится в исполинских размерах, и народ будет жертвою и козлицем отпущения, а рабочие пушечным мясом, и, как в 1905 году, все провокаторы интеллигенты и писаки спрячутся».

Режут слух «писаки», но вообще-то слова справедливые, в чем-то даже прозорливые.

«Чем более Дума отдыхает, тем более от нее отдыхают Россия и русская жизнь».

Фраза, которая могла мелькнуть и в нынешних газетах.

Это один Мещерский.

Был и второй – популярный писатель, чья слава временами затмевала в публике славу Льва Толстого. Лесков сетовал однажды: «Порою сдается, что общество совсем утратило вкус: многим "Женщины" Мещерского нравятся более чем "Анна Каренина"...». Речь тут идет о романе-памфлете «Женщины петербургского большого света», одном из самых известных сочинений князя...

Дом № 9

Но был еще и третий князь Мещерский – скандально известная личность, ловкий придворный интриган, а также гомосексуалист, не скрывавший своих наклонностей и активно продвигавший своих протеже.

Его многолетний любовник (а потом и наследник) Николай Бурдуков добрался, например, до чинов действительного статского советника и шталмейстера двора! А ведь у князя хватало увлечений и помимо Бурдукова. Об одном из них писал всесильному обер-прокурору Победоносцеву министр народного просвещения Делянов: «Я слышал о скандале Мещерского. Весь город об этом говорит. Какой позор... И какая гнусная, противоестественная страсть. Я уверен, что слух о сем дойдет до их величеств».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.